

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СТАТУТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© 2023 г. В. Н. Лисица

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lissitsa@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.09.2022 г.

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ коллизионного регулирования интеллектуальных прав в международном, европейском и российском праве. Делается вывод о том, что *lex loci protectionis* как основная коллизионная привязка в данной сфере не имеет однозначного толкования, не может сводиться лишь к *lex fori* — праву страны суда, а должна пониматься по общему правилу как право страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Кроме того, в ряде случаев представляется обоснованным применять *lex loci originis*, *lex loci actus* и *lex loci delicti*, а также к договорным отношениям — *lex voluntatis* и *lex loci solutionis*. В случае внедоговорного нарушения интеллектуальных прав, признаваемых на территории нескольких государств, в том числе в сети Интернет, ключевым видится вопрос об установлении наиболее тесной связи возникшего гражданского правоотношения с тем или иным государством с учетом различных факторов (место происхождения или регистрации объекта интеллектуальной собственности, место совершения правонарушения, место наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, ориентация веб-сайта на конкретное государство, место нахождения компетентного суда и др.). Обосновывается необходимость законодательного закрепления интеллектуального статута в разделе VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ, включив в сферу его действия такие вопросы, как: а) авторство; б) виды охраняемых объектов интеллектуальной собственности; в) требования к правовой охране объектов интеллектуальной собственности, включая вопросы регистрации и другие формальности, которые необходимо выполнить; г) виды, содержание и действие интеллектуальных прав, возникающих в отношении объектов интеллектуальной собственности, включая предусмотренные законом ограничения и срок действия правовой охраны; д) возникновение, осуществление и прекращение интеллектуальных прав, включая допустимые способы распоряжения ими; е) внедоговорная защита интеллектуальных прав.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионное право, интеллектуальный статут, применимое право, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права.

Цитирование: Лисица В. Н. Интеллектуальный статут в международном частном праве // Государство и право. 2023. № 7. С. 139–146.

DOI: 10.31857/S102694520026811-3

INTELLECTUAL PROPERTY STATUTE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

© 2023 V. N. Lisitsa

Institute of the State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: lisitsa@mail.ru

Received 12.09.2022

Abstract. The article highlights the comparative analysis of the conflict-of-laws regulation of intellectual property rights in international, European and Russian law. It is concluded that *lex loci protectionis* as the main conflict-of-laws rule in this area has an ambiguous interpretation, cannot be recognized as *lex fori* – the law of the country where the competent court is seated, but should be generally understood as the law of the country where the legal protection of the relevant intellectual property object is provided. In addition, in some cases it seems reasonable to apply *lex loci originis*, *lex loci actus* and *lex loci delicti*, as well as *lex voluntatis* and *lex loci solutionis* – to contractual relations. In the case of non-contractual infringement of intellectual property rights granted and protected on the territory of several states, including on the Internet, the key issue is to establish the closest connection of the civil legal relationship with a particular state, taking into account various factors (the place of origin or registration of an intellectual property object, the place of committing infringement, the place of occurrence of negative consequences for the intellectual right holder, the orientation of a website to a specific state, the location of a competent court, etc.).

It is also argued to enshrine the provisions on the intellectual property statute in Section VI “Private International Law” of the Civil Code of the Russian Federation, including the following issues of its scope: a) authorship; b) types of protected intellectual property objects; c) requirements for the legal protection of intellectual property objects, including registration issues and other formalities to be executed; d) the types, content and effect of intellectual rights arising in relation to intellectual property objects, including the restrictions provided by law and the duration of legal protection; e) the emergence, exercise and termination of intellectual rights, including permissible ways of disposing of them; f) non-contractual protection of intellectual rights.

Key words: Private International Law, intellectual property statute, conflict-of-laws, applicable law, intellectual property, intellectual rights.

For citation: Lisitsa, V.N. (2023). Intellectual property statute in Private International Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 139–146.

Интеллектуальная собственность, включающая в себя результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (п. 1 ст. 1225 ГК РФ¹), является самостоятельным объектом гражданских прав наряду с вещами и иным имуществом, результатами работ и оказанием услуг, нематериальными благами (ст. 128 ГК РФ²). В отношении таких объектов признаются специфические гражданские права – интеллектуальные права (исключительное право, личные неимущественные права и иные права), которые отличаются от вещных, корпоративных, обязательственных и иных гражданских прав³. В частности, в соответствии со ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные

права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; переход права собственности на такую вещь, как правило, не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав; к интеллектуальным правам обычно не применяются положения Гражданского кодекса РФ о праве собственности и других вещных правах. Напротив, интеллектуальные права имеют существенные особенности в порядке возникновения, осуществления и защиты, что обусловило выделение норм о праве интеллектуальной собственности в Части четвертой ГК РФ⁴.

Система международного частного права, формируемая на основе системы гражданского права

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5496.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

³ См.: Право интеллектуальной собственности / под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2022. С. 24–29.

⁴ См.: Маковский А.Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Закон. 2007. № 10. С. 5–12.

с учетом специфики иностранного элемента, требует специального коллизионного урегулирования интеллектуальных прав⁵. Но, к сожалению, следует признать значительное упущение законодателя в данной сфере. Часть третья ГК РФ в разд. VI «Международное частное право» до сих пор не содержит отдельных коллизионных норм о применении права к интеллектуальным правам. В то же время не вызывает сомнения важность выделения и нормативного закрепления отдельного статута — интеллектуального статута наряду с личным, вещным, обязательственным, наследственным и иными статутами в международном частном праве.

В современной науке международного частного права традиционно делается акцент на территориальном характере интеллектуальных прав⁶, которые действуют лишь в пределах территории того государства, где им предоставляется правовая охрана. В определенной мере данное положение получило законодательное закрепление в п. 1 ст. 1231 ГК РФ, согласно которому на территории Российской Федерации действуют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, установленные международными договорами Российской Федерации и Гражданским кодексом РФ. Иными словами, если интеллектуальные права возникли и охраняются в соответствии с правом иностранного государства, то при отсутствии международного договора Российской Федерации с таким иностранным государством они не признаются и, как следствие, не подлежат правовой охране на территории Российской Федерации.

Территориальный подход в определении применимого права к интеллектуальным правам нашел отражение в известной коллизионной привязке — *lex loci protectionis*, которая считается основной в коллизионном регулировании интеллектуальных прав⁷. Однако, как справедливо отмечается в литературе⁸, данная коллизионная привязка не имеет однозначного толкования и может означать: право государства, где испрашивается правовая защита; право государства, в отношении которого испрашивается правовая защита; право государства,

в котором требуется правовая защита; право государства, на территории которого действует правовая охрана интеллектуальной собственности; право государства, в котором право интеллектуальной собственности существует; право государства, на территории которого зарегистрировано право на интеллектуальную собственность, и т.д.

Рассматриваемый коллизионный принцип *lex loci protectionis* получил широкое распространение и закреплен в ряде универсальных конвенций в сфере интеллектуальной собственности. Среди них — Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г.⁹, устанавливающая национальный режим авторам в отношении произведений, которым предоставляется охрана в странах Бернского союза, кроме страны происхождения произведения. Иными словами, такие лица пользуются правами, которые предоставляются в настоящее время или могут быть предоставлены в дальнейшем соответствующими законами этих государств своим гражданам, а также правами, особо предоставляемыми Бернской конвенцией (ст. 5 (1)). При этом «объем охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана» (ст. 5 (2)). В теории данное положение зачастую рассматривается как право страны, в которой был подан иск о защите нарушенного интеллектуального права, что неизбежно ведет к понятию *lex loci protectionis* в качестве права страны суда, который рассматривает дело, — *lex fori*¹⁰ и тем самым исключает применение иностранного права к интеллектуальным правам в целом.

Аналогичные положения можно также найти в других конвенциях. В частности, Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного вещания 1961 г.¹¹ предусматривает для данных лиц национальный режим, который означает «режим, предоставляемый внутренним законодательством Договаривающегося Государства, в котором испрашивается охрана» (ст. 2(1)). Всемирная конвенция

⁵ См.: Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 2 (99). С. 153.

⁶ См.: Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2019. С. 752–755.

⁷ См.: Луткова О.В. Специальные коллизионно-правовые принципы регулирования трансграничных авторских отношений // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 131.

⁸ См.: Крюко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой аспект // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–82.

⁹ См.: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (с изм. на 28.09.1979 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493?ysclid=l60d4ed-mal179717306> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁰ См.: Гетьман-Павлова И.В. Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2008. № 2 (2). С. 96.

¹¹ См.: Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (заключена в г. Риме 26.10.1961 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/58804834?ysclid=l60dmaa9jj898901934> (дата обращения: 24.07.2022).

об авторском праве 1952 г.¹² предоставляет выпущенным в свет произведениям граждан любого Договаривающегося Государства, равно как произведениям, впервые выпущенным в свет на территории такого Государства, в каждом другом Договаривающемся Государстве охрану, которую такое Государство представляет произведениям своих граждан, впервые выпущенным в свет на его собственной территории (ст. II(1)). Кроме того, «срок охраны произведения определяется законом Договаривающегося Государства, в котором предъявляется требование об охране...» (ст. IV(1)).

В Регламенте Европейского Союза о праве, применимом к внедоговорным обязательствам (Римский Регламент II)¹³, рассматриваемая коллизионная привязка предусматривается в качестве основной применительно к интеллектуальным правам, но в отличие от вышеназванных конвенций ей придается иное понимание. Так, согласно ст. 8 Римского Регламента II правом, применимым к внедоговорному обязательству, возникающему в результате нарушения права интеллектуальной собственности, является право страны, для которой истребуется защита. Как неоднократно отмечалось в юридической литературе¹⁴, использование слова «для» (“for”) вместо «где» (“where”) уже может относиться к иностранному государству, отличному от государства суда, который разрешает гражданское дело в области интеллектуальной собственности. Как следствие, интеллектуальный статут не всегда должен совпадать с *lex fori*.

Представляется, что основная проблема в толковании *lex loci protectionis* видится в не совсем удачном использовании слов «испрашивается или истребуется защита», которые тесно связаны с процессуальными вопросами — подачей иска в суд определенного государства, что затрудняет понимание рассматриваемой коллизионной привязки и ее отграничение от *lex fori*. Как известно, применимое право к существу отношения и компетентный суд не всегда должны относиться к одному государству; их выбор определяется независимо с использованием разных коллизионных норм.

¹² См.: Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г. (подписана в г. Женеве 06.09.1952 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900510?ysclid=17nd77rbvi215029546> (дата обращения: 24.07.2022).

¹³ См.: Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32007R0864&qid=1662612567663> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁴ См.: *Leanovich E.B.* Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2017. No. 1. P. 81.

В этой связи с учетом вышеназванного принципа территориальности, отражающего специфику интеллектуальных прав, применимым правом к определению действительности, содержания, защиты и решения других вопросов интеллектуального статута следует признавать право страны, где действует (предоставляется) правовая охрана тем или иным объектам интеллектуальной собственности. В этой связи нельзя не согласиться и следует поддержать правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, который указал, что содержание и ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, срок их действия, допустимые способы распоряжения и необходимость государственной регистрации договоров либо отчуждения, залога, перехода, ограничения или прекращения исключительного права, предоставления права использования в любом случае определяются на основании права соответствующих стран, на территории которых действует правовая охрана такого результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации¹⁵.

Не вызывает сомнения, что изначально правовая охрана возникает в стране происхождения объекта интеллектуальной собственности. Особенно это хорошо видно, если данный объект подлежит государственной регистрации. Если обратиться к Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.¹⁶, то она предоставляет национальный режим иностранным лицам, который при этом определяется без указания на право страны, в которой испрашивается правовая защита: «В отношении охраны промышленной собственности граждане каждой страны Союза пользуются во всех других странах Союза теми же преимуществами, которые предоставляются в настоящее время или будут предоставлены впоследствии соответствующими законами собственным гражданам, не ущемляя при этом прав, специально предусмотренных настоящей Конвенцией. Исходя из этого, их права будут охраняться так же, как и права граждан данной страны, и они будут пользоваться теми же законными средствами защиты от всякого посягательства на их права, если при этом соблюдаются условия и формальности, предписываемые собственным гражданам» (ст. 2(1)). Кроме того, в Парижской конвенции устанавливается независимость

¹⁵ См.: пункт 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // *Росс. газ.* 2019. 17 июля.

¹⁶ См.: Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 г. (с изм. на 02.10.1979 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900359?ysclid=l60e1fdxbf770896621> (дата обращения: 24.07.2022).

патентов, полученных на одно и то же изобретение в различных странах. При этом данное положение следует рассматривать без каких-либо ограничений, а именно в том смысле, что патенты, заявки на которые поданы в течение срока приоритета, являются независимыми как с точки зрения оснований признания их недействительными и прекращения действия прав, так и с точки зрения определения срока их действия (ст. 4 bis (1, 2)).

В то же самое время правовая охрана объектов интеллектуальной собственности, включая признание и защиту интеллектуальных прав на такие объекты, может одновременно действовать в различных странах, в том числе в силу заключаемых между государствами международных договоров. Особенно это характерно для объектов интеллектуальной собственности, не подлежащих государственной регистрации и выполнению иных формальных процедур. В этом случае возникает вопрос о выборе правопорядка, который имеет тесную связь с возникшим гражданским правоотношением. Это может быть право страны места совершения гражданского правонарушения или места наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, или даже место нахождения суда, рассматривающего соответствующее гражданское дело. Последняя коллизионная привязка, сформулированная, однако, в одностороннем порядке и предусматривающая применение национального права в случае защиты интеллектуальных прав, нашла отражение в Гражданском кодексе РФ. Так, согласно п. 2 ст. 1231 ГК РФ при признании исключительного права в соответствии с международным договором Российской Федерации содержание такого права, его действие, ограничения, порядок его осуществления и защиты определяются Гражданским кодексом РФ независимо от положений законодательства страны возникновения исключительного права, если таким международным договором или Гражданским кодексом РФ не предусмотрено иное.

Помимо *lex loci protectionis* возможны также другие коллизионные привязки в сфере интеллектуальных прав. К примеру, Бернская конвенция предусматривает право страны места происхождения (*lex loci originis*) в отношении срока правовой охраны. Несмотря на то что данный срок по общему правилу определяется законом страны, в которой истребуется охрана, он не может превышать срок, установленный в стране происхождения произведения, если законодательством этой страны не предусмотрено иное (ст. 7(8)). Данная конвенционная норма нашла отражение и в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 4 ст. 1256 ГК РФ предоставление на территории Российской Федерации охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется в отношении произведений, не

перешедших в общественное достояние в стране происхождения произведения вследствие истечения установленного в такой стране срока действия исключительного права на эти произведения и не перешедших в общественное достояние в Российской Федерации вследствие истечения предусмотренного Гражданским кодексом РФ срока действия исключительного права на них. При предоставлении охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации срок действия исключительного права на эти произведения на территории Российской Федерации не может превышать срок действия исключительного права, установленного в стране происхождения произведения.

В Гражданском кодексе РФ можно встретить и другую коллизионную привязку — *lex loci actus*. Так, согласно п. 3 ст. 1256 ГК РФ при предоставлении на территории Российской Федерации охраны произведению в соответствии с международными договорами Российской Федерации автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав.

При установлении применимого права к договорному обязательству, предусматривающему передачу или предоставление интеллектуальных прав, традиционно применяется договорный статут, определяемый по другим правилам (в первую очередь на основе автономии воли сторон — *lex voluntatis*). К примеру, в соответствии с Регламентом Европейского Союза о праве, применимом к договорным обязательствам (Римский Регламент I)¹⁷, договорные обязательства могут регулироваться: правом, избранным сторонами (ст. 3); правом страны, в которой сторона, осуществляющая характерное исполнение договора, имеет свое обычное место жительства (ст. 4(2)); правом страны, с которой договорное отношение наиболее тесно связано (ст. 4(4)).

Следует при этом отметить, что Римский Регламент I четко не определяет, какое право должно применяться к договору об отчуждении исключительного права или лицензионному договору. Вопрос должен разрешаться исходя из вышеуказанных коллизионных привязок общего характера, и это может быть право страны, в которой находится правообладатель исключительного права или лицензиар, или право страны, где действует соответствующее исключительное право или разрешается

¹⁷ См.: Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32008R0593> (дата обращения: 24.07.2022).

использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Гражданский кодекс РФ также закрепляет принцип автономии воли сторон, предусматривающий возможность выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по такому договору (ст. 1210). Однако в отличие от Римского Регламента I Гражданский кодекс РФ однозначно определяет применимое право к отдельным договорам, опосредующим оборот интеллектуальных прав. Так, согласно п. 6–8 ст. 1211 ГК РФ в случае отсутствия соглашения сторон договора о применимом праве применяется: в отношении договора коммерческой концессии — право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, либо, если данное использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя; в отношении договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации — право страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя; в отношении лицензионного договора — применяется право страны, на территории которой лицензиату разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а если такое использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара.

Рассмотренные коллизионные нормы обычно предлагается применять во многих рекомендациях в области интеллектуальной собственности. В частности, одним из таких документов являются Принципы юрисдикции, признания судебных решений и применимого права в транснациональных гражданских спорах в области интеллектуальной собственности, принятые Американским юридическим институтом в 2007 г. (Принципы АЮИ)¹⁸. Согласно статье § 301 (1) данных Принципов право, применимое для определения существования, действительности, продолжительности, особенностей и нарушения прав интеллектуальной

собственности и средств правовой защиты в случае их нарушения, может быть разным и зависит от того, зарегистрировано интеллектуальное право или нет, а именно: для зарегистрированных прав — право каждого государства регистрации; в отношении других прав интеллектуальной собственности — право каждого государства, для которого испрашивается охрана.

Кроме того, Принципы АЮИ содержат ряд положений о нарушении прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. В частности, согласно ст. § 321 (1) Принципов АЮИ суд может принять решение обратиться при решении вопросов существования, действительности, продолжительности, особенностей и нарушения прав интеллектуальной собственности и средств правовой защиты от их нарушения к закону государства или государств, имеющих тесную связь со спором, о чем могут свидетельствовать обстоятельства, например: где проживают стороны; где отношения сторон, если таковые имеются, в основном находятся (сосредоточены); масштабы деятельности и инвестиции сторон; основные рынки, на которые стороны направили свою деятельность.

В 2011 г. Европейская группа Макса Планка по коллизионному праву в области интеллектуальной собственности подготовила Принципы коллизионного права в области интеллектуальной собственности (Европейские принципы Макса Планка)¹⁹. В качестве основных коллизионных привязок в ст. 3:101–103 были названы: *lex fori* — право, которое применяется к процедурным вопросам, включая сбор доказательств; *lex protectionis* — право, которое применяется к существованию, действительности, регистрации, объему и продолжительности права интеллектуальной собственности и ко всем другим вопросам, касающимся права как такового; свобода выбора, в соответствии с которой стороны могут выбирать применимое право для передачи, лицензионных соглашений и других контрактов, касающихся права интеллектуальной собственности.

Что касается споров, связанных с нарушением, осуществляемым через средства массовой информации, такие как сеть Интернет, то Европейские принципы Макса Планка в ст. 3:603 предусматривают, что суд может применить закон государства, имеющего наиболее тесную связь с нарушением, если нарушение имеет место в каждом государстве, в котором сигналы могут быть получены. При этом принимаются во внимание следующие

¹⁸ См.: Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law and Judgments in Transnational Disputes / prepared by the American Law Institute. 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=7687> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁹ См.: Principles on Conflict of Laws in Intellectual Property / prepared by the European Max Planck Group on Conflict of Laws in Intellectual Property. 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.ip.mpg.de/fileadmin/ipmpg/content/clip/Final_Text_1_December_2011.pdf (дата обращения: 24.07.2022).

обстоятельства: обычное место жительства нарушителя; основное коммерческое предприятие нарушителя; место, где были осуществлены существенные действия, способствующие совершению нарушения во всей его полноте; место, где ущерб, причиненный нарушением, является существенным по отношению к нарушению в целом.

В Гражданском кодексе РФ отсутствуют нормы, определяющие порядок определения применимого права к интеллектуальным правам, нарушенным в сети Интернет. Представляется, что он должен быть единым — по общему правилу *lex loci protectionis*, т.е. по праву страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Поскольку при использовании такого объекта в сети Интернет довольно сложно установить место совершения гражданского правонарушения и другие обстоятельства по делу, в данном случае интеллектуальный статут должен уточняться с учетом различных факторов, указывающих на наиболее тесную связь возникшего гражданского правоотношения с тем или иным государством. Определенную помощь в решении данного вопроса могут дать правила международной подсудности, предусмотренные в Гражданском процессуальном кодексе РФ²⁰ и Арбитражном процессуальном кодексе РФ²¹. В частности, к компетенции российских судов относятся гражданские дела при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, к примеру, когда: 1) спор возник из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации информационно-телекоммуникационных сетей Интернет на территории Российской Федерации (п. 9 ч. 1 ст. 247 АПК РФ); 2) ответчик распространяет рекламу в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ); 3) истец имеет место жительства в Российской Федерации по делу о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 11 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ).

Кроме того, в 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»²² (п. 15, 16) дал ряд разъяснений, указав, какие

доказательства могут служить подтверждением наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации. В частности, это может быть, когда сайт с доменным именем, в отношении которого возник спор (за исключением доменных имен в российской доменной зоне), ориентирован в первую очередь на российскую аудиторию, информация о деятельности иностранного лица представлена на сайте, зарегистрированном в российской доменной зоне (например, “.RU”, “.SU” и «.РФ») на русском языке.

* * *

Таким образом, подводя итог, следует заключить, что в сфере интеллектуальной собственности в международном, европейском и российском праве предусмотрены различные коллизионные привязки. Главная из них — *lex loci protectionis*, которая должна определяться как право страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. В случае его правовой охраны на территории нескольких государств вопрос должен решаться с учетом различных обстоятельств (место происхождения или регистрации объекта интеллектуальной собственности, место совершения гражданского правонарушения, место наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, место нахождения компетентного суда и др.) на основе принципа наиболее тесной связи (*lex connectionis fermitatis*).

В то же самое время *lex loci protectionis* не может признаваться единственной в коллизионном регулировании интеллектуальных прав. В частности, *lex voluntatis* или *lex contractus* подлежат применению к договорным отношениям (договору об отчуждении исключительного права, лицензионному договору и т.д.). В случае отсутствия выбора сторонами договора применимого права *lex contractus* может быть определен с использованием нескольких правил, которые развивают общий принцип наиболее тесной связи в международном частном праве (*lex connectionis fermitatis*), а именно: право страны, в которой действует исключительное право; право страны, на территории которой разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и, как следствие, где исполняется существо лицензионного договора (*lex loci solutionis*); право страны места жительства или основного места деятельности стороны договора, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора — правообладателя или лицензиара, если исключительное право действует или использование разрешается одновременно на территории нескольких стран.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

²¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

²² См.: Росс. газ. 2017. 4 июля.

Ряд вопросов в сфере интеллектуальных прав, такие как авторство, предельный срок действия, должны определяться в соответствии с *lex loci originis* как законом страны происхождения соответствующего объекта интеллектуальной собственности, особенно когда для возникновения правовой охраны требуется регистрация или выполнение какой-либо иной формальности. Кроме того, особое внимание необходимо уделять нарушениям интеллектуальных прав в сети Интернет путем установления дополнительных коллизионных норм с использованием такого связующего фактора, как ориентация веб-сайта на конкретное государство (совпадение языка страны и веб-сайта, использование кода страны в доменном имени и т.д.).

Не вызывает сомнения, что вышеназванные коллизионные привязки должны использоваться при определении отдельного статута — интеллектуального статута, определяющего применимое право к интеллектуальным правам, который подлежит обязательному закреплению в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ. При этом к сфере действия такого статута следует отнести: авторство; виды охраняемых объектов интеллектуальной собственности; требования к правовой охране объектов интеллектуальной собственности, включая вопросы регистрации и другие формальности, которые необходимо выполнить; виды, содержание и действие интеллектуальных прав, возникающих в отношении объектов интеллектуальной собственности, включая предусмотренные законом ограничения и срок действия правовой охраны; возникновение, осуществление и прекращение интеллектуальных прав, включая допустимые способы распоряжения ими; внедоговорная защита интеллектуальных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетьман-Павлова И.В. Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2008. № 2 (2). С. 96.
2. Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2019. С. 752–755.
3. Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном прин-

ципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой аспект // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–82.

4. Луткова О.В. Специальные коллизионно-правовые принципы регулирования трансграничных авторских отношений // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 131.
5. Маковский А.Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Закон. 2007. № 10. С. 5–12.
6. Право интеллектуальной собственности / под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2022. С. 24–29.
7. Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 2 (99). С. 153.
8. Leanovich E.B. Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2017. No. 1. P. 81.

REFERENCES

1. Getman-Pavlova I.V. Conflict-of-laws regulation in Intellectual Property Law // Herald of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2008. No. 2 (2). P. 96 (in Russ.).
2. Kanashevskiy V.A. Private International Private Law. M., 2019. P. 752–755 (in Russ.).
3. Krupko S.I. Modifications and interpretation of connecting factors based on the *lex loci protectionis* conflict-of-law rule: comparative legal analysis // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. No. 15 (5). P. 79–82 (in Russ.).
4. Lutkova O.V. Special conflict-of-laws principles of regulation of cross-border copyright relations // Lex russica. 2018. No. 2 (135). P. 131 (in Russ.).
5. Makovskiy A.L. On codification of legislation on intellectual property // Law. 2007. No. 10. P. 5–12 (in Russ.).
6. Intellectual Property Law / ed. by L.A. Novoselova. M., 2022. P. 24–29 (in Russ.).
7. Shakhnazarov B.A. General characteristics of the system of conflict-of-laws regulation of industrial property objects // Actual problems of Russian law. 2019. No. 2 (99). P. 153 (in Russ.).
8. Leanovich E.B. Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2017. No. 1. P. 81.

Сведения об авторе

ЛИСИЦА Валерий Николаевич — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LISITSA Valeriy N. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia